

Предпосылки формирования диссертационной культуры в казанской археологии 1920-х — 1930-х гг.: люди и идеи

К. А. Руденко

Казанский институт культуры, Казань, Россия

Археология в Казанской губернии до 1917 г. была приоритетным направлением краеведческих занятий и научных штудий в Обществе археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Но при этом она оставалась практически не востребованной в учебном процессе. Парадоксально, но в начале советской эпохи, когда были отменены научные степени и защиты диссертаций и на время сам вопрос о таких процедурах и стремлениях был снят, в Казани были молодые специалисты, выпускники Казанского университета — М. Г. Худяков и В. Ф. Смолин, которые впервые в истории казанской науки, стали заниматься археологией профессионально. Однако оба они, по разным причинам, уехали из Казани во второй половине 1920-х гг. Диссертационная практика в СССР была восстановлена во второй половине 1930-х годов. Несмотря на это, в Казани не было преподавателей-археологов и студентов, желавших специализироваться в этой области, хотя значительный археологический материал, накопленный в дореволюционный период, давал возможность разнообразных археологических научных штудий. В 1930-х годах археолог-самоучка Н. Ф. Калинин, приехавший в Казань в 1921 г., продолжил накопление археологических данных. Таким образом, для создания новой советской археологической образовательной традиции, включавшей подготовку и защиту диссертаций в ТАССР, имелась основательная база, которая стала реализовываться уже во второй половине 1940-х годов.

Ключевые слова: *диссертации по археологии, Казанский университет, археология в Казанской губернии, В. Ф. Смолин, Н. Ф. Калинин, М. Г. Худяков, Общество археологии, истории и этнографии, советское краеведение, ТАССР.*

Диссертационная культура как система организационно-нормативных процедур, традиций и ритуалов со стороны научно-образовательных структур [Диссертационная, 2022. С. 14] в Казани начала формироваться в университете не позднее второй половины XIX в. и следовала установкам, характерным для большинства российских университетов этого периода. Магистерская и докторская диссертации с сопутствующим диспутом было условием получения университетской должности. Правда доля защищенных диссертаций в Казанском университете, по сравнению с Москвой и С.-Петербургом, была небольшой [Диссертационная, 2022. С. 105—108, диаграмма 5, табл. 2]. Тем не менее, как показывают документы, сама процедура защиты даже магистерской диссертации в Казанском университете имела свои особенности, чаще всего связанные с межличностными отношениями [Бушуева, 2019. С. 187].

Местная историческая и тем более археологическая тематика до первых десятилетий XX в., несмотря на функционирование при университете Общества археологии, истории и этнографии (далее — ОАИЭ) большого интереса у студентов не вызывала, как и желания принять практическое участие в раскопках. В студенческой среде бытовало мнение, что это наука не нужна для общества, а средства на такие занятия тратятся зря [Вишленкова, 2005. С. 230]. Показателен

пример Н. П. Лихачева, племянника известного казанского коллекционера А. Ф. Лихачева, начинавшего свою научную деятельность, причем весьма успешно, с археологических изысканий в Казанской губернии и в Казани, исследовав, совместно с археологом-любителем П. А. Пономаревым, курганы у с. Балымери, могильники у сел Полянка и Маклашеевка Спасского уезда Казанской губернии. Уже самостоятельно он раскопал несколько захоронений Борисковского могильника в Казани. Но после окончания Казанского университета в 1884 г., Николай Петрович отошел от этих занятий и, оставшись на кафедре русской истории, занимался исследованием разрядных книг, а докторскую диссертацию защитил по филологии в 1892 г. [Степанова, 2012. С. 19].

Археологическая тематика в целом, редко встречалась в конкурсных работах студентов Казанского университета, разве что в искусствоведческом контексте, а магистерских и докторских исследований, практически, не было ни одного. Впрочем, и исторические магистерские диссертации в университете были редки. По данным Л. А. Бушуевой, в Казанском университете на историко-филологическом факультете с конца 1880-х до начала 1900-х гг. было подготовлено всего два магистра русской истории — уже упоминавшийся Н. П. Лихачев и Н. Н. Фирсов [Бушуева, 2018. С. 171, 172, табл. 1]. Впрочем, и

количество студентов на этом факультете было небольшим: в среднем, около 17 человек [Новиков, Перфильева, 2020. С. 93, прим.6]. Справедливости ради, стоит сказать, что археологическая тематика в диссертациях по Волго-Вятскому региону все же была. Одно кандидатское исследование — «Каталог древностей Вятского края», было подготовлено А. А. Спицыным и защищено им в 1882 г. в Санкт-Петербургском университете [Жебелев, 1948. С. 10].

Одной из причин индифферентности к археологии казанской общественности и студенчества была слабая информированность о задачах этой науки, хотя археологические древности были ключевыми достопримечательностями края и отмечались в российских путеводителях по Волге (руины Булгара) и Казани (собрание А. Ф. Лихачева). Из-за этого представления об археологии были весьма расплывчатыми как у учащейся молодежи, так и среди обывателей. Сказывалось и отсутствие в Казани до 1917 г. учреждения, где бы читались учебные курсы археологической тематики. Для продвижения археологической идеи нужны были реальные и, желательно, резонансные археологические научные изыскания, что понимало и руководство ОАИЭ.

Стоит также отметить тот факт, косвенно влиявший на отношение к археологии в провинции: именитые российские ученые-археологи были представителями высших слоев общества и во многом российская археология конца XIX — начала XX в. была элитной. Достаточно высокий имущественный ценз имел место в ОАИЭ, где разночинское сословие до 1917 г. составляло меньшинство [Сидорова, 2014. С. 97, 192—250]. К тому же археология часто воспринималась студентами Казанского университета как наука о классических древностях, о чем они могли судить по лекциям университетского профессора-антиковеда М. М. Хвостова [Новиков, Перфилова, 2020. С. 95]. Также под археологией в то время подразумевались и исследования в области первобытного искусства или искусствоведения в целом.

Таким образом, при наличии немалого количества памятников археологической старины в Казанской губернии, активного частного коллекционирования древних артефактов и деятельного краеведческого ОАИЭ, общий уровень как археологического знания, так и восприятия памятников археологии, в обществе был катастрофически низок, а в сельской местности — не выходил за рамки слухов и преданий [Руденко, 2016. С. 31—33]. Многолетние попытки наладить хотя бы инспекцию средневековых руин Булгарского

городища силами ОАИЭ были малоэффективными, о чем есть свидетельства членов Общества [И это все..., 2012. С. 149, № 47].

У активистов ОАИЭ была надежда, что профессиональные раскопки на Булгарском городище, запланированные на 1914 г. будут иметь общественное звучание, и это каким-то образом повлияет на ситуацию. Первый опыт раскопок в Булгарах в 1892 г. под руководством профессоров Казанского университета А. А. Штукенберга, И. А. Износкова и Н. А. Фирсова с официальными Открытыми листами Императорской археологической комиссии — расчистки фундаментов и одной из стен Соборной мечети (Четырехугольника) [Императорская, 2009. С. 833; Полякова, 2001. С. 150—151] прошел практически незаметно для публики. Однако и раскопки 1914 г. были расценены как достижение только в самом ОАИЭ. И это при том, что вопрос о руководстве раскопками приобрел скандальную публичность после появления в газете «Казанский Телеграф» статьи профессора М. М. Хвостова о его претензиях на эту роль, так как Совет ОАИЭ предпочел кандидатуру неизвестного в Казани С. И. Покровского, ученика археолога А. А. Спицына. По завершению раскопок в 1914 г. была устроена в университете выставка находок; также были организованы статьи в прессе, и публичный научный доклад о результатах исследований [И это все..., 2012. № 89. С. 228]. Но рекламная компания не удалась из-за начала Первой мировой войны, сместившей внимание общественности к этим событиям.

Тем не менее, раскопки 1914 г. в Булгаре стали важной вехой для становления в Казани и Казанской губернии культуры археологического знания и подвели определенный итог археологическим изысканиям предшествующего времени. Но они же продемонстрировали острые проблемы в этой области, которые в начале XX в. стали особенно заметными. Среди последних наиболее актуальной было отсутствие кадров местных профессионально подготовленных археологов. Причем, дело было не только и не столько в степени магистра или доктора, поскольку признанные авторитетные российские археологи, например, А. А. Спицын и В. А. Городцов таковых не имели, а в хотя бы начальном профессиональном археологическом просвещении и навыках полевой работы.

Второй проблемой была неравномерность исследований памятников разных эпох и несистемность археологических работ [Сидорова, 2014. С. 146—182]. Объясняется данная ситуация тем, что у ОАИЭ не имелось полной информации о археологическом наследии губернии и, как следствие — четко сформулированных задач архео-

логических изысканий. Тематические интересы складывались у казанских археологов-энтузиастов чаще всего под влиянием идей археологов Москвы или С.-Петербурга. Но и эти исследовательские сюжеты в провинциальном научном пространстве существовали только определенное время, чаще всего совпадавшее с творческой активностью конкретного исследователя. Так, интерес к теме каменного века, начавшийся с любительских работ коллекционера А. Ф. Лихачева в 1870-х гг. и весьма серьезно поддержанный и развитый университетскими учеными — геологами и географами П. И. Кротовым и А. А. Штукенбергом, а также коллекционером-профессором Н. Ф. Высоцким — иссяк к концу первого десятилетия XX столетия, после кончины А. А. Штукенберга. Древностями раннего железного века и первыми археологическими культурами — ананьинской и пьяноборской, — традиционными сюжетами археологов края, — занимался археолог-любитель П. А. Пономарев вплоть до своей смерти в 1919 г. А вот исследование материальной культуры волжских булгар оставались во многом на уровне общих сведений, конспективно обрисованных А. Ф. Лихачевым в конце 1860-х гг., без хронологической разбивки и с условными этническими интерпретациями. Немного к этому добавил перманентный интерес историков, лингвистов и антропологов к Волжской Булгарии и Золотой Орде [Смолин, 1921]. Темой студенческих исследовательских работ, как и магистерских диссертаций, ни один из вышеупомянутых сюжетов не стал.

В ходе раскопок в Булгаре в 1914 и 1915 г. определилась группа студентов историко-филологического факультета Казанского университета, «загоревшихся» археологией. Это М. Г. Худяков, В. Ф. Смолин, Б. Е. Крелленберг, Г. С. Губайдуллин (Газиз). Из них, продолжили археологические штудии только М. Г. Худяков и В. Ф. Смолин. Последний, посвятил болгарам одну из своих исследовательских студенческих работ, за что его удостоили золотой медали. Это был, пожалуй, единственный факт такого рода инициативы. У обоих студентов еще во время учебы в университете вышли небольшие статьи по археологии. М. Г. Худяков, в силу сложившихся обстоятельств, не смог завершить учебу в университете и сдать экзамены, не говоря уже о магистерской диссертации. В. Ф. Смолин экзамены сдал и был оставлен для подготовки к профессорскому званию, начав преподавательскую деятельность, правда с небольшим перерывом. После отмены научных степеней Советской властью, согласно Постановлению Совнаркома РСФСР от 1 октября 1918 г., актуальности этого звания уже не было и путь

к преподаванию был открыт и М. Г. Худякову. Тем не менее статусное противостояние в преподавании и в научном творчестве двух молодых ученых в первой половине 1920-х гг. переросло в личный конфликт, продолжавшийся в активной фазе до отъезда М. Г. Худякова из Казани в 1925 г. и утихший в 1929 г., когда Казань покинул В. Ф. Смолин.

Камнем преткновения в их отношениях была научная тематика: успешно разрабатываемые на основе полевых изысканий В. Ф. Смолиным древности культур эпохи бронзы, например, абашевской; раскопки памятников раннего средневековья (городище Шелом), аналитические штудии по Волжской Булгарии [Смолин, 1925] отодвигали в тень попытки М. Г. Худякова стать лидером казанской археологии. У него, уже после отъезда из Казани, отдельные исследовательские сюжеты касались эпохи поздней бронзы — маклашевская культура, раннего железного века — ананьинской культуры, имелись небольшие публикации по другим эпохам, хотя следование новым веяниям все дальше уводило М. Г. Худякова от археологии в сторону «яфетизма», социологизма, этнографии и истории. Но, помимо этого, были и личные мотивы, например, персональное позиционирование в археологических штудиях в Волго-Камье в глазах авторитетных зарубежных коллег, в первую очередь финского ученого А. М. Тальгрена. Во время своего пребывания в Казани 30 сентября 1915 г. Тальгрэн встретился с Худяковым и весьма лестно писал о нем московскому археологу В. А. Городцову: «В Казани я познакомился с одним молодым студентом, который серьезно занимается археологической наукой. Он сделал весьма хорошее впечатление, и я думаю, что мы найдем в нем важного помощника и будущего коллегу в Прикамском крае» [Кузьминых, Белозёрова, 2014. С. 189]. Как считает С. В. Кузьминых, именно под влиянием В. А. Городцова и А. М. Тальгрена в начале 1920-х у Худякова активизировался интерес к древностям эпохи бронзы [Кузьминых, Белозёрова, 2014. С. 191].

Раздражало М. Г. Худякова и явное предпочтение В. Ф. Смолина как специалиста на преподавательские должности в учебных заведениях Казани в первой половине 1920-х гг., проходившее при активной поддержке дореволюционной профессуры, что предопределило быстрый пересмотр Михаилом Георгиевичем своих политических предпочтений в пользу новой власти, за что большевики стали выдвигать его как советскую альтернативу буржуазной гуманитарной науке в лице ОАИЭ и университета [Буцуева, 2018а. С. 86]. Последовали явно конъюнктурные публи-

кации М. Г. Худякова, вызвавшие критику его коллег в ОАИЭ [Порфирьева, 2004. С. 339—347], причем, несмотря на это, некоторые из них были отмечены денежными премиями [Шарангина, 2004. С. 407,408].

Интересно, что в целом, казанская археология была до 1917 г. под влиянием петербургских ученых-археологов, в частности А. А. Спицына, что выражалось в тематике исследований, изыскательских приемах, терминологии, характеристики памятников. Ученик А. А. Спицына возглавил раскопки в Болгаре в 1914 г. В послереволюционные годы руководство ОАИЭ предпочло общение с московскими археологами из ГИМ и Московского отделения ГАИМК, прежде всего В. А. Городцовым и, в дальнейшем, с его учениками, обеспечившими в какой-то мере приоритет их идей в казанской археологии в 1930-х гг. Отчасти, такой сдвиг можно связать и с пребыванием самого В. А. Городцова в Казани 9—12 сентября 1920 г., где он общался с Б. Ф. Адлером, М. Г. Худяковым и Н. Ф. Катановым. Многие идеи В. А. Городцова М. Г. Худяков в дальнейшем использовал в своей работе, правда, в ленинградский период его жизни это прослеживается слабо. Консультировался с В. А. Городцовым и В. Ф. Смолин в 1925 г. [Кузьминых и др., 2003. С. 41]. Однако в начале 1930-х гг. идеи Василия Алексеевича подверглись критике и в дальнейшем использовались редко. «Закат» городцовой эпохи в Казани, длившейся практически десятилетие (1920 — 1929 гг.), совпал с отъездом из города большинства археологов. Таким образом, методический базис, который можно было использовать в научных археологических исследованиях казанскими специалистами не сложился, и это сказалось уже в 1930-х гг., когда кризис археологии в ТАССР стал постепенно преодолеваться.

Возвращаясь к ситуации второй половины 1920-х гг. в Казани, можно констатировать, что влияние М. Г. Худякова на археологическую жизнь Казани после его отъезда в Ленинград в 1925 г. стало эпизодическим, а до конца 1920-х гг. свои лидерские позиции удерживал В. Ф. Смолин, проводя полевые исследования на территории Чувашии и Татарии, в которых принимали участие и его ученики — Л. И. Вараксина, А. М. Ефимова, З. А. Акчурина. В дальнейшем они стали опорой в проведении профессиональных археологических работ в ТАССР в конце 1930-х — 1950-х гг. Отъезд В. Ф. Смолина в 1929 г. оставил археологию Татарии без лидера, но с другой стороны дал шанс проявить себя в этой области оставшемуся единственному здесь человеку, знакомому с археологией, — Н. Ф. Калинину. Но археология не стала

его главным занятием. Возглавляя археологический отдел ЦМТР, ему приходилось значительную часть времени уделять вопросам фондовой и экспозиционной музейной работы, что давалось ему с большим трудом [Руденко, 2018. С. 139-148]. Не меньшее времени в 1920-х гг. занимала у Н. Ф. Калинина и экскурсионно-туристическая деятельность, в рамках общественной работы, которую он вел как член краеведческих обществ ТАССР.

В историографии экскурсионные маршруты Н. Ф. Калинина обозначают как археологические разведки, что не совсем верно. Дело в том, что именно в этот период ставилась задача экскурсионного познания края, поскольку «не зная своего края, его производительных сил, его природных богатств культуры и быта его населения, нельзя иметь достаточно ясного представления о перспективах его развития в будущем, а эти перспективы каждый трудящийся ТР, конечно, должен иметь перед собою» [Маршруты, 1930. С. 3, 4]. Сам Николай Филиппович в брошюре с описанием экскурсионных маршрутов в ТАССР страстно обращался к читателям: «Товарищи, горячо рекомендуем вам самим составлять новые маршруты. Готовые, уже испытанные маршруты, конечно, очень важны. Они точно планируют путь, сохраняют массу времени и энергии, дают вполне определенную целеустановку. Но разве меньшее значение имеет такой поход, который продуман самими участниками его целиком, сначала до конца, так сказать, без подсказки? Как поднимает энергию сознание, что идешь по незнакомой местности, что являешься исследователем ее, намечаешь, уточняешь дорогу для тех, кто пойдет за тобою позднее. Только не надо увлекаться ролью «открывателей Америк» или превращаться в бесцельных бродяг, идущих куда глаза глядят, ради бродяжничества. Пролетарский туризм должен соединять в себе элементы отдыха, удовольствия с исследовательской и общественно-полезной работой» [Калинин, 1930. С. 7]. Этот опыт дал Николаю Филипповичу навык осмотра местности и организации таких обследований, что помогло ему спустя десятилетия уже в послевоенные годы организовать масштабные археологические разведки на территории ТАССР.

Говоря о предпосылках формирования научных подходов к археологическим исследованиям, отметим, что в начале 1930-х гг. в исторических студиях казанских ученых господствовали идеи М. Н. Покровского. О торговом болгарском капитале и буржуазии писал казанский историк Н. Н. Фирсов [Фирсов, 1920]. Какой-либо единой концепции в отношении средневекового периода Волго-Камья — Волжской Булгарии и Золотой

Орды не было. Реконструкции истории волжских булгар, опиравшиеся на письменные источники, сводились к поискам их современных потомков и наследников культуры: чуваш или казанских татар.

Со второй половины 1920-х гг. в среде казанских археологов в лице Н. Ф. Калинина просочились идеи Н. Я. Марра [Марр, 1926], ярким сторонником которых был коллега и куратор Николая Филипповича — М. Г. Худяков. Отдавая должное политическому моменту («марризм» в то время для ученых-гуманитариев был демонстрацией лояльности к новому взгляду на историю), Н. Ф. Калинин в своих статьях делал ссылки на высказывания Н. Я. Марра.

История развития археологического знания в ТАССР в первом десятилетии существования автономии, позволяет констатировать, что решающим моментом в этом процессе явилась отмена научных степеней, которая фатальным образом сказалась на перспективах развития археологии, прежде всего в университете. Даже функционирование до начала 1930-х гг. крупнейшего в Волго-Камье краеведного общества — ОАИЭ ситуацию исправить не смогло.

Таким образом, к моменту образования ТАССР в 1920 г. накопилась солидная база археологических материалов от эпохи камня и до средневековья. Однако, эти материалы, сконцентрированные в Казанском городском музее и в музее ОАИЭ, были практически не обработаны в научном плане, разрозненны в тематическом отношении и мало востребованы в учебном и научном процессах. Темы по археологии (за исключением, классической) до 1917 г. не привлекали внимание профессоров университета, как и немногочисленных студентов историко-филологического факультета. В магистерских и докторских диссертациях выпускников Казанского университета до 1917 г. они не встречались. При этом полевые археологические исследования в 1920-х гг. благодаря, прежде всего, деятельности В. Ф. Смолина, профессора университета, а затем ВПИ, обрели некоторую упорядоченность и, что, пожалуй, самое главное, стали основой формирования нового поколения археологов из студенчества, которое могло продолжить археологическую деятельность.

К археологическим студиям в начале 1920-х гг., примкнул Н. Ф. Калинин, тоже в прошлом выпускник историко-филологического факультета Казанского университета. Самоучка в археологии (выпускная работа в университете у него была по

истории Древней Греции), Николай Филиппович настойчиво постигал основы полевой археологической практики у знающих специалистов — В. Ф. Смолина, А. С. Башкирова, И. Н. Бороздина, приобретая соответствующие навыки¹. При этом в идейном плане Калинин практически полностью находился под влиянием М. Г. Худякова, своего первого начальника в Казанском музее и коллеги, с которым он поддерживал контакты, вплоть до ареста последнего в 1936 г.

Восстановление исторического образования в университете (Приказ № 260 «Об открытии исторических факультетов в университетах» от 3 апреля 1934 г. Наркомата просвещения и Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 16 мая 1934 г. «О преподавании гражданской истории в школах СССР»), как и создание Научно-исследовательского института татарского языка и литературы² в 1939 г. (Постановления Совнаркома ТАССР от 23 августа 1939 г.) ситуацию в отношении к археологии в научном плане в ТАССР мало изменило. Отсутствие финансирования для полевых археологических изысканий со стороны госструктур, как и востребованности этой специальности в республике, делало решение данного вопроса, практически невозможным на местном уровне. Требовалась выдающаяся личность с профессиональными навыками, широким кругозором и пониманием цели и задач археологических исследований.

Таким человеком стал московский археолог А. П. Смирнов, с которого начинается не только поднятая до современного (для того времени) уровня археологическая полевая работа в Татарии, систематические исследования средневековых памятников, но и обеспечение этих изысканий кадрами, в том числе и через защиту диссертаций. Начало последнему процессу было положено защитой докторской диссертации по волжским булгарам А. П. Смирновым в 1944 г. Вокруг А. П. Смирнова объединились ученицы В. Ф. Смолина, способствовавшие формированию казанской школы булгаристики А. П. Смирнова в конце 1930-х — 1940-х гг. Следующее поколение учеников А. П. Смирнова, продолживших развитие школы, защитили диссертации по булгарской археологии в 1960-х гг.

¹ Вместе с Н. Ф. Калининым в раскопках 1928 — 1929 гг. принимали участие В. В. Егерев, З. А. Акчурина, Л. И. Варакина и др.

² С 1941 г. — Татарский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории.

Список литературы

1. Бушуева Л. А. Из приват-доцентов в «университетские старцы»: возраст профессоров Императорского Казанского университета (вторая половина XIX — начало XX в.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2018. № 55. С. 170-175 DOI: 10.17223/19988613/55/25.
2. Бушуева Л. А. «Старая» профессура и «отличные техники»: научная интеллигенция Казани в первые годы советской власти // Интеллигенция и мир. 2018а. № 3. С. 82—98.
3. Бушуева Л. А. Как защищали магистерские диссертации в дореволюционных университетах России. Из переписки казанского историка Н. Н. Фирсова с В. О. Ключевским и П. Н. Милюковым. 1895—1896 гг. // Исторический архив. 2019. № 2. С. 183—190.
4. Вишленкова Е. А. Радикальная интеллигенция как побочный продукт университета Российской империи: опыт Казани // Логос. 2005. № 6 (51). С. 218—232.
5. Диссертационная культура российского историко-научного сообщества: опыт и практика подготовки и защит диссертаций (XIX — начало XX в.) / ред. Н. Н. Алеврас, Н. В. Гришина. М. ; СПб.: Нестор-История, 2022. 464 с.
6. Жебелев С. А. Археолог-энтузиаст (памяти А. А. Спицына) // Советская археология. 1948. X. С. 9—20.
7. И это все пройдет... Судьба и время: русские интеллигенты в начале XX в. Переписка Нестора Мемноновича Петровского и Сергея Ивановича Порфирьева (1899—1921 гг.) / ред. К. А. Руденко. — Казань : Изд-во МОиН РТ, 2012. 264 с.
8. Императорская Археологическая комиссия (1859—1917): к 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия / науч. ред.-сост. А. Е. Мусин. СПб. : Дмитрий Буланин, 2009. 1191 с.
9. Калинин Н. Ф. По непроторенным дорогам // Маршруты экскурсий для туристов по Татарии. Вып. 1 / ред. М. Н. Ляхов. Казань : Татиздат, 1930. С. 3—12.
10. Кузьминых С. В., Белозёрова И. В. Василий Алексеевич Городцов и Казань: поездка 1920 года // Поволжская археология. 2014. № 4 (10). С. 186—202.
11. Кузьминых С. В., Михайлов Е. П., Савенко С. Н., Старостин П. Н. Виктор Федорович Смолин: основные вехи жизненного и творческого пути // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие. Материалы конференции / ред. О. В. Кузьмина. Чебоксары : ЧГИПН, 2003. С. 35—46.
12. Марр Н. Я. Чуваши-яфетиды на Волге. Чебоксары : Чувашское гос. изд-во, 1926. 74 с.
13. Маршруты экскурсий для туристов по Татарии. Вып. 1 / ред. М. Н. Ляхов. Казань : Татиздат, 1930. 65 с.
14. Новиков М. В., Перфилова Т. Б. М. М. Хвостов: восхождение к вершинам научной и профессиональной деятельности // Вестник гуманитарного образования. 2020. № 4 (20). С. 89—100. DOI: 10.25730/VSU.2070.20.053.
15. Полякова Г. Ф. Археологическое исследование Соборной мечети // Город Болгар. Монументальное строительство, архитектура, благоустройство / отв. ред. Г. А. Федоров-Давыдов. М. : Наука, 2001. С. 150—175.
16. Порфирьева И. В. С. И. Порфирьев и работа М. Г. Худякова «Очерки по истории Казанского ханства» // Краеведческие чтения, посвященные 135-летию Общества естествоиспытателей при КГУ и 110-летию М. Г. Худякова / ред Г. С. Муханов. — Казань : Школа, 2004. С. 341—347.
17. Руденко К. А. Крестьянская археология в Казанской губернии в начале XX в. (по материалам И. М. Покровского) // Археологическое наследие Урала: от первых открытий к фундаментальному научному знанию (XX Уральское совещание) : материалы Всероссийской (с международным участием) научной конференции / отв. ред. Е. М. Черных. Ижевск : Ин-т компьютерных исследований, 2016. С. 31—33.
18. Руденко К. А. Коммуникационные формы культуры Татарстана: генезис и эволюция (с древности до XX в.) : учеб. пособие. Казань : Школа, 2018. 164 с.
19. Сидорова И. Б. Учёное братство: Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете (1878—1931 годы). Часть 1. Казань : Отечество, 2014. 264 с.
20. Смолин В. Ф. Археологический очерк Татреспублики // Материалы по изучению Татарстана. Вып. 2: посвящается пятилетию Татарской С. С. республики / ред. Г. Г. Ибрагимов, Н. И. Воробьев. Казань : Восток, 1925. С. 5—70.

21. Смолин В. Ф. К вопросу о происхождении народности Камско-волжских болгар (Разбор главнейших теорий). Казань : Чувакское отделение Государственного издательства, Казанское Подотделение, 1921. 56 с.

22. Степанова Е. В. «Он был ученым «с головы до ног» и никем другим быть не желал и не был...» (По материалам личного архива Н. П. Лихачева) // «Звучат лишь письма...». К 150-летию со дня рождения академика Николая Петровича Лихачева. Каталог выставки / ред. А. О. Большаков, Е. В. Степанова. СПб. : Издательство Государственного Эрмитажа, 2012. С. 12—35.

23. Фирсов Н. Н. Чтения по истории Среднего и Нижнего Поволжья. Вып. 1 и 2. 2-е изд. Казань : Государственное изд-во, 1920. — 136 с.

24. Шарангина Н. А. Документы Национального архива РТ об историке, археологе, этнографе М. Г. Худякове // Краеведческие чтения, посвященные 135-летию Общества естествоиспытателей при КГУ и 110-летию М. Г. Худякова / ред Г. С. Муханов. Казань : Школа, 2004. С. 405—411.

Сведения об авторе

Руденко Константин Александрович — доктор исторических наук, профессор кафедры музеологии, культурологии и искусствоведения Казанского государственного института культуры, Казань, Россия, murziha@mail.ru

---

Magistra Vitae: online journal of historical sciences and archeology.
2023. No. 1. P. 117—125.

Prerequisites for Forming a Dissertation Culture in Kazan Archeology in the 1920s — 1930s: People And Ideas

K. A. Rudenko

Kazan Institute of Culture, Kazan, Russia. murziha@mail.ru

Until 1917 archeology in the Kazan province was a priority area of scientific research in the Society of Archeology, History and Ethnography at Kazan University. At the same time, archaeological topics for master's and doctoral dissertations for graduates were not offered. Archeology did not attract the attention of either teachers or students. At the beginning of the Soviet era there were radical changes in science and education. In particular, scientific degrees and dissertation defenses were abolished. This practice was restored in the second half of the 1930s. However, the scientific potential in the TASSR in the field of archeology, in contrast to many regions of the USSR, preserved in the 1920s. Significant archaeological material accumulated in the pre-revolutionary period made it possible to carry out various archaeological scientific studies. In addition, graduates of Kazan University continued to study archeology, i.e. M.G. Khudyakov and V.F. Smolin. Moreover, V.F. Smolin was able to unite talented student youth from the Eastern Pedagogical Institute, where he taught in 1922-1929. He was able to prepare a contingent of young professionals ready to devote themselves to archeology. These students, after graduating from the institute, were able to preserve and continue the pre-revolutionary archaeological tradition, after the departure of V.F. Smolin from Kazan in 1929. In the 1930s, the self-taught archaeologist N.F. Kalinin, who later defended his Ph.D. thesis on the archeology of Tataria, continued to accumulate archaeological data. Thus, to create a new Soviet archaeological educational tradition, which included the preparation and defense of dissertations in the TASSR, there was a solid base, which began to be implemented already in the second half of the 1940s.

Keywords: *dissertations in archeology, Kazan University, archeology in the Kazan province, V.F. Smolin, N.F. Kalinin, M.G. Khudyakov, Society of Archeology, History and Ethnography, Soviet local history, TASSR.*

References

1. Bushueva L.A. Iz privat-docentov v «universitetskie starcy»: vozrast professorov Imperatorskogo Kazanskogo universiteta (vtoraja polovina XIX — nachalo XX v.) [From privatdocents to “university elders”: the age of professors of the Imperial Kazan University (the second half of the 19th — early 20th century)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorija*, 2018, no. 55, pp. 170-175. DOI: 10.17223/19988613/55/25. (In Russ.).

2. Bushueva L.A. «Staraja» professura i «otlichnye tehniki»: nauchnaja intelligencija Kazani v pervye gody sovetskoj vlasti [“Old” professors and “excellent technicians”: the scientific intelligentsia of Kazan in the first years of Soviet power]. *Intelligencija i mir*. 2018, no. 3, pp. 82-98. (In Russ.).

3. Bushueva L.A. Kak zashhishhali masterskie dissertacii v dorevoljucionnykh universitetakh Rossii. Iz perepiski kazanskogo istorika N.N. Firsova s V.O. Kljuchevskim i P.N. Miljukovym. 1895—1896 gg. [How master's theses were defended in pre-revolutionary Russian universities. From the correspondence of the Kazan historian N.N. Firsov with V.O. Klyuchevsky and P.N. Milyukov. 1895—1896]. *Istoricheskij arhiv*. 2019, no. 2, pp. 183-190. (In Russ.).
4. Vishlenkova E.A. Radikal'naja intelligencija kak pobochnyj produkt universiteta Rossijskoj imperii: opyt Kazani [Radical intelligentsia as a by-product of the university of the Russian Empire: experience of Kazan]. *Logos*, 2005, no. 6 (51), pp. 218-232. (In Russ.).
5. *Dissertacionnaja kul'tura rossijskogo istoriko-nauchnogo soobshhestva: opyt i praktika podgotovki i zashhit dissertacij (XIX — nachalo XX v.)* [Dissertation culture of the Russian historical and scientific community: experience and practice of preparing and defending dissertations (XIX — early XX century)]. Moscow, St. Petersburg, Nestor-Istoriya, 2022. 464 p. (In Russ.).
6. Zhebelev S.A. Arheolog-jentuziast. (Pamjati A.A. Spicyna) [Archaeologist-enthusiast. (In memory of A.A. Spitsyn)]. *Sovetskaja arheologija*, 1948, no. X, pp. 9-20. (In Russ.).
7. *I jeto vse projdet... Sud'ba i vremja: russkie intelligenty v nachale HH v. Perepiska Nestora Memnonoviča Petrovskogo i Sergeja Ivanoviča Porfir'eva (1899—1921 gg.)*. [And all this will pass. Fate and time: Russian intellectuals in the early twentieth century. Correspondence of Nestor Memnonovich Petrovsky and Sergei Ivanovich Porfiryev (1899—1921)]. Kazan', Izd-vo MOiN RT, 2012. 264 p. (In Russ.).
8. *Imperatorskaja Arheologičeskaja komissija (1859—1917): K 150-letiju so dnja osnovanija. U istokov otechestvennoj arheologii i ohrany kul'turnogo nasledija* [Imperial Archaeological Commission (1859—1917): On the occasion of the 150th anniversary of its founding. At the origins of domestic archeology and protection of cultural heritage]. St. Petersburg, Dmitry Bulanin, 2009. 1191 p. (In Russ.).
9. Kalinin N.F. Po neprotorennym drogam [Excursion routes for tourists in Tatarstan. Issue. 1], in: Ljahov M. N. (Ed.) *Marshruty jekskursij dlja turistov po Tatarii. Vyp. 1* [On the untrodden roads]. Kazan, Tatizdat, 1930. Pp. 3-12. (In Russ.).
10. Kuzminykh S.V., Belozerova I.V. Vasilij Alekseevič Gorodcov i Kazan': poezdka 1920 goda [Vasily Alekseevič Gorodtsov and Kazan: trip of 1920], in: *Povolzhskaja arheologija*. 2014. — 4 (10). — pp. 186-202. (In Russ.).
11. Kuzminykh S.V., Mikhailov E.P., Savenko S.N., Starostin P.N. Viktor Fedorovič Smolin: osnovnye vehi zhiznennogo i tvorčeskogo puti [Viktor Fedorovič Smolin: the main milestones of his life and career]. *Abashevskaja kul'turno-istoričeskaja obshhnost': istoki, razvitie, nasledie. Materialy konferencii* [Abashevskaya cultural and historical community: origins, development, heritage. Conference materials]. — Cheboksary: ChGIPN, 2003. Pp. 35-46. (In Russ.).
12. Marr N.Ya. *Chuvashi-jafetidy na Volge* [Chuvash-Japhetids on the Volga]. Cheboksary, Chuvashskoe gos. izd-vo, 1926. 74 p. (In Russ.).
13. *Marshruty jekskursij dlja turistov po Tatarii. Vyp. 1* [Routes of excursions for tourists in Tatarstan. Iss. 1]. Kazan, Tatizdat, 1930. 65 p. (In Russ.).
14. Novikov M.V., Perfilova T.B. M. M. Hvastov: voshozhdenie k vershinam nauchnoj i professional'noj dejatel'nosti [M. M. Khvastov: ascent to the heights of scientific and professional activity], in: *Vestnik gumanitarnogo obrazovanija*, 2020, no. 4 (20), pp. 89-100. DOI: 10.25730/VSU.2070.20.053. (In Russ.).
15. Polyakova G.F. Arheologičeskoe issledovanie Sobornoj mecheti [Archaeological study of the Cathedral Mosque]. *Gorod Bolgar. Monumental'noe stroitel'stvo, arhitektura, blagoustrojstvo* City of Bolgar [Monumental construction, architecture, improvement]. Moscow, Nauka, 2001. Pp. 150-175. (In Russ.).
16. Porfiryeva I.V. S.I. Porfir'ev i rabota M.G. Hudjakova «Očerki po istorii Kazanskogo hanstva» [S.I. Porfiriev and the work of M.G. Khudyakov "Essays on the history of the Kazan Khanate"], in: Mukhanov G.S. (Ed.) *Kraevedčeskie čtenija, posvjashhennye 135-letiju Obshhestva estestvoispytatelej pri KGU i 110-letiju M.G. Hudjakova* [Local history readings dedicated to the 135th anniversary of the Society of Naturalists at KSU and the 110th anniversary of M.G. Khudyakova]. Kazan, Shkola, 2004. Pp. 341-347. (In Russ.).
17. Rudenko K.A. Krest'janskaja arheologija v Kazanskoj gubernii v nachale HH v. (po materialam I. M. Pokrovskogo) [Peasant archeology in the Kazan province at the beginning of the 20th century. (Based on the materials of I. M. Pokrovsky)]. *Arheologičeskoe nasledie Urala: ot pervyh otkrytij k fundamental'nomu nauchnomu znaniju (HH Ural'skoe soveshhanie)* [Archaeological heritage of the Urals: from the first discoveries to fundamental scientific knowledge (XX Ural meeting)]. Izhevsk, In-t komp'juternyh issledovanij, 2016. Pp. 31-33. (In Russ.).

18. Rudenko K.A. *Kommunikacionnye formy kul'tury Tatarstana: genesis i jevoljucija (s drevnosti do HH v.)* [Communication Forms of Culture of Tatarstan: Genesis and Evolution (from Antiquity to the 20th Century)]. Kazan, Shkola, 2018. 164 p. (In Russ.).

19. Sidorova I.B. *Uchjonoe bratstvo: Obshhestvo arheologii, istorii i jetnografii pri Kazanskom universitete (1878-1931 gody). Chast' 1* [Scientific Brotherhood: Society of Archeology, History and Ethnography at Kazan University (1878-1931). Part 1]. Kazan, Otechestvo, 2014. — 264 p. (In Russ.).

20. Smolin V.F. Arheologicheskij ocherk Tatrespubliki [Archaeological essay of the Tatar Republic]. *Materialy po izucheniju Tatarstana. Vyp. 2: posvjashhaetsja pjatiletiju Tatarskoj S.S. respubliki* [Materials for the study of Tatarstan. Iss. 2: dedicated to the fifth anniversary of Tatarskaya S.S. Republic]. Kazan, Vostok, 1925. Pp. 5-70. (In Russ.).

21. Smolin V.F. *K voprosu o proishozhdenii narodnosti Kamsko-volzhskih bolgar (Razbor glavnejshih teorij)* [On the question of the origin of the people of the Kama-Volga Bulgarians (Analysis of the main theories)]. Kazan, Chuvashskoe otdelenie Gosudarstvennogo izdatel'stva, Kazanskoe Podotdelenie, 1921. 56 p. (In Russ.).

22. Stepanova E.V. «On byl uchenym «s golovy do nog» i nikem drugim byt' ne zhelal i ne byl...» (Po materialam lichnogo arhiva N.P. Lihacheva) [“He was a scientist “from head to toe” and did not want to be anyone else and was not .” (According to the personal archive of N.P. Likhachev)], in. Bolshakov A.O., Stepanova E.V. (Eds.) «Zvuchat lish' pis'mena...». *K 150-letiju so dnja rozhdenija akademika Nikolaja Petrovicha Lihacheva. Katalog vystavki* [“Only letters sound .”. To the 150th anniversary of Academician Nikolai Petrovich Likhachev. Exhibition catalog]. St. Petersburg, Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Jermitazha, 2012. Pp.12-35. (In Russ.).

23. Firsov N.N. *Chtenija po istorii Srednego i Nizhnego Povolzh'ja* [Readings on the history of the Middle and Lower Volga region]. Kazan, Gosudarstvennoe izd-vo, 1920. 136 p. (In Russ.).

24. Sharangina N.A. Dokumenty Nacional'nogo arhiva RT ob istorike, arheologe, jetnografe M.G. Hudjakove [Documents of the National Archives of the Republic of Tatarstan about the historian, archaeologist, ethnographer M.G. Khudyakov], in. Muhanov G.S (Ed.) *Kraevedcheskie chtenija, posvjashhennye 135-letiju Obshhestva estestvoispytatelej pri KGU i 110-letiju M.G. Hudjakova* [Local history readings dedicated to the 135th anniversary of the Society of Naturalists at KSU and the 110th anniversary of M.G. Khudyakova]. Kazan, Shkola, 2004. Pp. 405-411. (In Russ.).

Список сокращений

ВПИ — Восточный педагогический институт

ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры

ГИМ — Государственный исторический музей

ОАИЭ — Общество археологии, истории и этнографии

СНК СССР — Совет народных комиссаров Союза Советских Социалистических республик

ТАССР — Татарская Автономная Советская Социалистическая республика

ТР — Татарская Республика

ЦК ВКП(б) — Центральный комитет Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков)

ЦМТР — Центральный музей Татарской Республики